

9. Милюков П. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. II. Антибольшевистские движение. Париж, 1927. 281 с.
10. Парфёнов П.С. (Алтайский). Борьба за Дальний Восток. 1920–1922. Л. : Прибой, 1928. 368 с.
11. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.1727. Оп.1.
12. Руднев С.П. При вечерних огнях. Воспоминания. Харбин : Заря, 1928. 469 с.
13. Русский край (Владивосток). 1921.
14. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск : Наука, 1983. 334 с.
15. Слово (Владивосток). 1921. 10 июля.
16. Smith C. Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East 1920-1922. Seattle & London : University of Washington Press, 1975. 304 p.
17. Филимонов Б. Белоповстанцы (Хабаровский поход зимы 1921–22 годов). Кн. 1. Шанхай : Слово, 1932. 224 с.
18. Флегонтов А. Партизанское движение (1918–1922 гг.) // В огне революции: Сб. статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск : Издание комиссии по празднованию 10-летия Октябрьской революции, 1927. С. 149–174.
19. Шинин О.В. К вопросу о большевистской «партийной» разведке в период существования в Приморской области буржуазных правительств (май 1921 – октябрь 1922 г.) // Четвёртые архивные научные чтения им. В.И. Чернышёвой : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Хабаровск : КГУП «Хабаровская краевая типография», 2012. С. 275–283.
20. Ширяев В.А., Чумаков Н.С. Японский план «умиротворения» российского Дальнего Востока // Военно-исторический журнал. 2009. № 4. С. 17–22.

Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914–1922 гг.

Шишкин В.И.

Институт истории СО РАН

г. Новосибирск

vladimir.shishkin.1948@mail.ru

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена двумя важными обстоятельствами. Во-первых, для определения роли русского Дальнего Востока в российской и мировой истории будут целенаправленно использованы методологические подходы, которые применяются в геополитической науке. Во-вторых, роль русского Дальнего Востока предполагается рассмотреть в нетрадиционных для отечественной историографии хронологических рамках середины 1914 г., когда началась Первая мировая война, и конца 1922 г., когда была ликвидирована Дальневосточная республика и Дальний Восток вошел в состав РСФСР. В зарубежной историографии этот отрезок времени все чаще выделяется как самостоятельный и называется периодом Великой войны.

К настоящему времени история различных сфер русского Дальнего Востока 1914–1922 гг. нашла широкое отражение в публикациях нескольких поколений отечественных исследователей. В них в научный оборот введен большой фактический материал, характеризующий демографический потенциал Дальнего Востока и социальную структуру общества, экономику края, общественно-политические процессы и вооруженную борьбу противоборствовавших сил. Эти фактические данные, а также сформулированные на их основе выводы являются хорошим заделом для постановки новых проблем, выдвижения новых гипотез и концепций.

Вместе с тем хорошо видны и недостатки отечественной историографии, обусловленные не только догматизацией классового подхода. Один из них заключается в узости хронологических рамок, в которых выполнялось подавляющее большинство публикаций о Дальнем Востоке. Чаще всего отечественные историки ограничивали изучение событий и процессов в крае только тем или иным этапом Великой войны: Октябрьской революцией, Гражданской войной или Дальневосточной республикой. Причем Дальний Восток времен Первой мировой войны исследователи, как правило, рассматривали под весьма специфическим ракурсом: преимущественно с точки зрения возникновения предпосылок и условий для углубления революционного процесса. Это помешало авторам сформулировать адекватные оценки, лишало их возможности делать широкие объективные обобщения.

Другой серьезный недостаток отечественной историографии состоит в нарушении исследователями принципа историзма при определении границ Дальнего Востока 1914–1922 гг. Вопреки хорошо известным фактам историки, как правило, определяли эти границы в зависимости от того, какие административно-территориальные единицы входили в состав Дальнего Востока во время написания их сочинений. Благодаря такому отступлению от принципа историзма территориальные рамки Дальнего Востока 1914–1920 гг. постоянно неоправданно

расширились за счет Забайкалья в одних случаях или Забайкалья и Якутии – в других, а роль и значение края в общероссийских событиях тем самым необоснованно преувеличивались.

Классическая геополитика предлагает довольно четкие методы, критерии и параметры, опираясь на которые можно составить объективное представление о геополитическом положении того или иного государства. Базовыми (или первичными) считаются территория, которая квалифицируется как стратегический ресурс любого государства, его географическое положение, включая выход к морям, климатические условия, наличие или отсутствие природных ресурсов, численность (количество) и состав (качество) населения. К динамичным (или вторичным) параметрам относятся политические, военные, социально-экономические атрибуты государства.

Полагаю, что эти же параметры вполне корректно применять не только для выявления могущества того или иного государства, но и для определения геополитической роли таких крупных административно-территориальных образований Российской империи, как Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Для того чтобы более адекватно отразить характеристику этих административно-территориальных единиц в ее динамике, считаю целесообразным ввести еще три понятия: геополитический потенциал, геополитический статус и геополитическая ситуация, с помощью которых будут описываться и определяться их роль и место в геополитической стратификации.

В данной статье под русским Дальним Востоком понимается территория, которая входила в существовавшее в начале XX века Приамурское генерал-губернаторство. Как известно, она охватывала Амурскую, Приморскую, Камчатскую и Сахалинскую области.

Общая площадь территории генерал-губернаторства равнялась 2045,7 тыс. кв. верст, что составляло 10,4 % территории всей Российской империи и 14,1 % ее азиатских владений. Территория Дальнего Востока была примерно в три раза меньше территории Западной Сибири, почти в семь раз меньше территории Восточной Сибири, но почти на четверть больше территории среднеазиатских владений России. Около 55,6 % всей территории Приамурского генерал-губернаторства занимала одна Камчатская область, тогда как на Амурскую, Приморскую и Сахалинскую области приходилось соответственно 19,2, 23,5 и 1,7 % [Подсчитано по: 2, с. 43].

По территории Дальнего Востока проходила значительная часть государственной границы России с Китаем, Кореей, Монголией и Японией. Кроме того, Приамурское генерал-губернаторство имело береговую полосу протяженностью около 7,0 тыс. верст с портами, дающими прямой выход в три моря Тихого океана. Тем самым геополитическая роль Дальнего Востока была двоякой. В российской стратегии он мог рассматриваться как плацдарм для дальнейшей территориальной экспансии в юго-восточном направлении в одних случаях, как мост для осуществления торгово-экономических отношений с азиатско-тихоокеанскими странами – в других. Но, с другой стороны, недавно включенный в состав Российской империи русский Дальний Восток оставался «проблемной» территорией, виды на которую имели почти все крупные геополитические игроки, присутствовавшие в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Территория Приамурского генерал-губернаторства и прилегающая к нему акватория были слабо изучены в геологическом и иных отношениях. Но даже имевшаяся к 1914 г. научная информация позволяла утверждать, что они располагали богатыми природными ресурсами: рыбными запасами, лесными массивами, золоторудными месторождениями, плодородными землями, каменным углем [4, с. 46–51].

Собственный демографический потенциал Дальнего Востока был незначительный. В 1916 г. здесь проживало немногим более 0,93 млн человек, что составляло всего 4,7 % населения Азиатской России. Это было чуть больше численности населения одной Забайкальской области, но меньше самой малочисленной области Западной Сибири – Семипалатинской. Причем подавляющее большинство населения проживало в двух областях: Приморской (0,51 млн человек) и Амурской (0,34 млн), тогда как на Камчатскую и Сахалинскую области в обоих случаях приходилось примерно по 0,04 млн человек [4, с. 68].

Плотность населения на Дальнем Востоке была крайне низкой, а его размещение носило в основном дисперсный характер, хотя уже сформировалось несколько очагов. Подавляющее большинство населения обустроилось на незначительной части территории, главным образом вдоль левого берега реки Амур и таких его притоков, как Усури, Зея и Бурей. Но даже эту территорию Дальнего Востока нельзя было считать заселенной в точном смысле этого слова. Поэтому Приамурье считалось одним из крупнейших демографических резервуаров, способных принять из Европейской России избыточное сельское население и тем самым способствовать разрядке напряженного земельного вопроса в центре страны.

В то же время уровень урбанизации Дальнего Востока был довольно высоким. Если в азиатской части Российской империи он равнялся 12,7 %, то в Приамурском генерал-губернаторстве приближался к 30,0 %. Здесь имелись довольно крупные по меркам того времени города. Самыми большими из них являлись Владивосток, в 1911 г. насчитывавший 84,6 тыс. человек, Благовещенск (64,4 тыс.), Хабаровск (43,3 тыс.), Никольск-Уссурийский (34,6 тыс.) и Николаевск-на-Амуре (16,4 тыс. человек) [2, с. 350].

Важной особенностью демографического потенциала населения Дальнего Востока была существенная диспропорция полового состава. Если в среднем по Азиатской России в 1911 г. на 1000 мужчин приходилась 891 женщина, то в Амурской области – 662, в Приморской области – 639 женщин. Особенно значительной диспропорция полов была в городах Владивостоке и Николаевске-на-Амуре, почти достигая соотношения 1 к 3 в

пользу мужчин в первом случае и 1 к 4 – во втором [2, с. 75]. Нужно подчеркнуть, что названные особенности народонаселения Дальнего Востока, особенно слабо развитая брачная структура и наличие в составе взрослого мужского населения высокого удельного веса военнослужащих, обусловили более высокий накал местной политической жизни по сравнению с другими российскими окраинами.

Малочисленность и низкая плотность населения, дисперсно-очаговый характер его размещения усугублялись неразвитостью экономики и средств коммуникации. По сути дела, Приамурское генерал-губернаторство имело всего два относительно устойчивых транспортных сообщения. Одно из них – по рекам Амур и Уссури – обеспечивало связь внутри края, тогда как второе – Китайско-Восточная железная дорога – связь всего Дальнего Востока с Сибирью и Европейской Россией. В то же время Приамурье оставалось окраиной, обладавшей слабыми внутренними административно-политическими скрепами и не имевшей единого экономического пространства. Оно было по-прежнему номинально интегрировано в Российскую империю. В начале XX века как геополитический потенциал русского Дальнего Востока, так и его геополитический статус в составе Российской империи оставались низкими. Причем даже этот уровень статуса поддерживался главным образом за счет внешнеполитической ситуации и особенно из-за напряженных отношений с Японией.

После поражения России в Русско-японской войне геополитическое положение русского Дальнего Востока осложнилось, а его статус понизился. На протяжении нескольких послевоенных лет в столичных и местных военно-политических правящих кругах не исключалась перспектива его превращения во «вторую Маньчжурию», являющуюся объектом международных притязаний, или в полигон для китайской миграции.

Для того чтобы не допустить такого развития событий, российское правительство срочно осуществило комплекс важных мер. Были резко увеличены государственные расходы на оборону и развитие Дальнего Востока; активизировано переселенческое движение, принявшее массовый характер; построены новые пути сообщения, увеличена добыча золота и каменного угля. Все это способствовало упрочению позиции России в Приамурье. Оно постепенно переставало быть «ахиллесовой пятой» Российской империи, но по-прежнему оставалось одним из ее наиболее слабых и уязвимых мест. Например, Дальний Восток по-прежнему был не способен решать часть своих внутренних проблем, в том числе продовольственную и наемного труда, только собственными силами. Как и раньше, он оставался в числе наиболее нуждавшихся реципиентов Центральной России [9, с. 439–517; 12, с. 192–214].

Весьма показательно также, что несмотря на нормализацию отношений с Японией, переросших в 1916 г. в союзническую фазу, для сохранения статус-кво и поддержания внутренней стабильности российское правительство было вынуждено держать в Приамурье и на КВЖД большие контингенты регулярных войск (три армейских корпуса, шесть стрелковых артиллерийских бригад, две крепостные артиллерийские бригады), Заамурский корпус пограничной стражи, две флотилии, Амурское и Уссурийское казачьи войска. Подчеркнем, что все они, за исключением иррегулярных казачьих войск, были сформированы в основном из мужского населения Сибири и Европейской России, поскольку в Приамурском военном округе до 1910 г. призыв на действительную военную службу не производился. Тем самым вклад местного населения в укрепление обороноспособности дальневосточных рубежей являлся мизерным. Другими словами, наращивание геополитического потенциала русского Дальнего Востока, осуществленное после Русско-японской войны, не привело к повышению его статуса.

Из сказанного выше становится понятной та ограниченная роль, которую играл Дальний Восток в начале Мировой войны. Она заключалась главным образом в использовании на фронтах воинских формирований, ранее дислоцировавшихся в Приамурском военном округе, а также демонтированной крепостной артиллерии и ее боезапаса. Что касается мобилизации дальневосточного населения в российские вооруженные силы, то она осуществлялась как в общем порядке, так и специально в масштабах только Приамурского генерал-губернаторства. В последнем случае 15 сентября 1914 г. были призваны запасные чины; ровно год спустя, 15 сентября 1915 г., – ратники первого и второго разрядов. Их общее количество определялось Военным министерством в 50,0 тыс. человек. В целом количество призванного в армию мужского населения составляло немногим более 100 тыс. человек [3, с. 163–166; 10, с. 18], что не достигало даже 1,0% от общего количества призванных в вооруженные силы за все время Мировой войны.

Тем не менее для немногочисленного крестьянского населения Дальнего Востока, являвшегося основным «поставщиком» призывных контингентов, мобилизация стала серьезной тяготой. Если в среднем по Российской империи удельный вес взятых в армию составлял 11,2% всего крестьянского населения, 22,6% от числа всех мужчин и 47,8% от числа трудоспособных мужчин крестьянского населения, то в Приморской области эти показатели соответственно равнялись 10,8, 20,1 и 43,4%, а в Приамурской области достигли еще больших величин: 12,5, 23,5 и 55,8%. По удельному весу призванных в армию трудоспособных мужчин-крестьян Приамурская область уступала в Российской империи только одной Акмолинской области [10, с. 21].

Весьма скоро, однако, выяснилось, что Дальний Восток может сыграть уникальную роль в решении другой проблемы, не менее важной для российской армии и фронта, чем наращивание численности вооруженных сил

Дело в том, что из-за неразвитости военной промышленности Россия с первых месяцев войны испытывала острую потребность в вооружении, боеприпасах и снаряжении, получить которые она могла от союзных держав. Но блокада Германией Балтийского, а Турцией – Черного моря лишила Россию такой возможности. Находившиеся на Севере Архангельск и незамерзающий порт Николаев-на-Мурмане в Ледовитом океане, после Февральской революции переименованный в Мурманск, не могли справиться с этой задачей в полном объеме. По климатическим условиям Архангельск был доступен не более шести месяцев в году. К тому же он имел связь с общероссийской железнодорожной сетью через Архангело-Вологодскую железную дорогу низкой провозоспособности и, главное, более узкой колеи, чем большая часть российских железных дорог. Героическими усилиями железнодорожных войск Архангельская железнодорожная линия была «перешита» на широкую колею. К незамерзающему порту в Ледовитом океане стали срочно строить Мурманскую железную дорогу, но не смогли ее закончить по причине исключительно тяжелых природных условий. Поэтому Владивосток, удаленный на пять с лишним тысяч верст от линии фронта, стал по сути дела тем единственным «окном», через которое российская армия получала вооружение, боеприпасы и снаряжение из Японии и Америки.

Одновременно через Владивосток осуществлялся транзит огромного количества грузов мирного назначения: различного рода продовольственных продуктов и товаров промышленного производства, предназначенных для Сибири и европейской части России. В целях быстрой разгрузки Владивостока и доставки скопившихся там товаров по назначению предпринимались меры по увеличению провозоспособности Транссибирской железнодорожной магистрали и КВЖД, в 1915 г. были построены владивостокские временные мастерские по сборке американских большегрузных вагонов.

Но царскому правительству решить проблему так и не удалось. Уже с лета 1915 г. Россия не успевала вывозить с Дальнего Востока в европейскую часть страны даже вооружение и боеприпасы, поступившее во Владивосток из Японии. Ничего не известно о том, что предприняло для решения данного вопроса Временное правительство. Что касается руководства Советской республики, то оно, судя по всему, оценило значение аккумулированных во Владивостоке запасов только в начале весны 1918 г. Во всяком случае Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь) впервые рассмотрел вопрос о разгрузке Владивостока 9 апреля 1918 г. Для его решения он постановил создать Чрезвычайную комиссию с чрезвычайными полномочиями. Затем еще одну Чрезвычайную комиссию с аналогичными функциями учредил Высший совет народного хозяйства. Ее председателем был назначен член ВЦИК З.Ф. Кулинич (Присяжнюк), которого перед отъездом из Москвы во Владивосток инструктировал сам В.И. Ленин [7, с. 153–154; 8, с. 204, 220].

По авторитетной оценке управляющего ведомством снабжения и продовольствия Временного правительства автономной Сибири, к концу июня 1918 г. только на таможенных складах Владивостока числилось около 10 млн пудов разного рода грузов. Причем их количество составляло всего лишь 30–40,0% от общего количества товаров, находившихся во Владивостоке и его окрестностях [1. Л. 10]. Как следствие, значение Дальнего Востока для России, к концу 1916 – началу 1917 г. оказавшейся в глубоком финансово-экономическом и продовольственном кризисе, резко возросло. Другими словами, превращение Владивостока в крупный торгово-экономический центр, совпавшее по времени с резким изменением геополитической ситуации в мировом и общероссийском масштабе, привело к повышению статуса Приамурья без серьезного увеличения его собственного геополитического потенциала.

Революционные события, происходившие на русском Дальнем Востоке в марте 1917 – июне 1918 г., несмотря на неоднократные изменения, которые претерпели возникавшие здесь политические системы и политические режимы, никак не повлияли на геополитический потенциал, статус и роль Приамурья. Но весьма примечательны два обстоятельства, которые являлись отражением его слабой внутренней консолидированности и минимальной интегрированности в общероссийское политическое пространство.

Созданные на Дальнем Востоке и взявшие власть в свои руки Советы более чем за полгода своего существования так и не превратились в надежную властную вертикаль. С одной стороны, Дальневосточный краевой комитет Советов (Дальсовнарком) не смог подчинить себе все имевшиеся на территории Приамурья нижестоящие Советы. С другой стороны, даже в условиях начавшейся Гражданской войны он сам не обнаружил должного стремления даже к координации деятельности с руководством советской Сибири, которое – в отличие от Дальсовнаркома – пользовалось абсолютным доверием центра. Не случайно, что руководить разгрузкой Владивостокского порта было поручено не Дальсовнаркому, а специальной комиссии, назначенной Москвой и усиленной представителями Центросибири.

Точно так же не смогли объединить свои усилия в борьбе с Советами существовавшие на Дальнем Востоке различные контрреволюционные силы. Сначала враждовали между собой образовавшийся в Харбине в начале февраля 1918 г. Дальневосточный комитет активной защиты Родины и Учредительное собрание и прибывшая в начале марта из Томска в Харбин фракция Временного Сибирского правительства (ВСП), возглавлявшаяся с П.Я. Дербером. Затем конфликт возник между фракцией П.Я. Дербера, 1 июля 1918 г. переименовавшей себя во Владивостоке во Временное правительство автономной Сибири, и провозгласившим себя 9 июля 1918 г. в

Гродеково Временным правителем генералом Д.Л. Хорватом и его правительством – так называемым Деловым кабинетом. 21 сентября 1918 г. в Благовещенске объявило о своем создании Временное правительство Амурской области во главе с правым эсером А.Н. Алексеевским, которое первоначально позиционировало себя как абсолютно самостоятельное.

Геополитическая ситуация на русском Дальнем Востоке постепенно начала меняться с апреля 1918 г. когда во Владивостоке первый раз высадился десант японских и английских войск. Затем на Дальнем Востоке появились полки Чехословацкого корпуса, которые передислоцировались сюда из Украины для дальнейшей транспортировки морем во Францию. В ночь на 29 июня 1918 г. чехословацкие легионеры свергли советскую власть во Владивостоке, после чего здесь высадились десанты японцев и союзников. В течение июля – августа 1918 г. при их активном участии власть Советов была ликвидирована почти на всей территории русского Дальнего Востока, а в начале сентября 1918 г. на станции Оловянная произошла встреча частей Сибирской армии и Особого Маньчжурского отряда есаула Г.М. Семенова. Благодаря этому было восстановлено железнодорожное и прямое телеграфное сообщение между Омском, где находилось самое влиятельное антибольшевистское правительство – Совет министров Временного Сибирского правительства, и Владивостоком.

Иностранное вмешательство во внутрисосийские дела, ставка при решении имевшихся проблем на военные средства в ущерб политическим методам, превращение находившегося во Владивостоке консульского корпуса во влиятельную дипломатическую силу – все это к концу лета 1918 г. резко повысило геополитический статус Дальнего Востока. Убедительным свидетельством учета произошедших изменений стала поездка делегации Совета министров Временного Сибирского правительства из Омска во Владивосток в сентябре 1918 г.

Еще 30 августа, когда обозначилась перспектива «стыковки» войск Сибирской армии и семеновцев, Совет министров ВСП обсудил вопрос о положении дел на русском Дальнем Востоке. По итогам его рассмотрения Совет министров постановил направить туда своего полномочного представителя, задачи которого формулировались так: «для выяснения положения дел на востоке, для установления связи и ведения переговоров о конструировании государственной власти с правительством генерала [Д.Л.] Хорвата и дальневосточной группой членов [Временного] Сибирского правительства» [4, с. 318].

Но уже 7 сентября было решено направить на Дальний Восток делегацию ВСП в составе председателя Совета министров П.В. Вологодского, товарища министра иностранных дел М.П. Головачева, управляющего делами Совета министров Г.К. Гинса, а также представителей финансового, военного, продовольственного ведомств и путей сообщения. Задачи делегации формулировали намного шире и иначе, чем раньше. Ей вменялось в обязанность «войти в сношение с представителями правительств и войск союзников по вопросам, выдвигаемым настоящим политическим моментом и экономическим положением Сибири» [4, с. 329].

Здесь необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что председатель Совета министров ВСП П.В. Вологодский предпочел поездку на Дальний Восток участию в Уфимском государственном совещании, на котором обсуждался вопрос о создании всеми антибольшевистскими силами верховной всероссийской власти. И, как оказалось, поездка на Дальний Восток обернулась для Совета министров ВСП большим выигрышем. В ходе этой поездки его делегация смогла путем переговоров упразднить Временное правительство автономной Сибири и Деловой кабинет Д.Л. Хорвата. Тем самым, почти весь русский Дальний Восток, за исключением Амурской области, был подчинен Совету министров ВСП.

Еще большее значение имели переговоры П.В. Вологодского с находившимися на Дальнем Востоке дипломатическими и военными представителями союзных держав и Японии. По сути дела, эти переговоры превратились в исключительно успешную презентацию ВСП международного уровня. По их итогам были достигнуты договоренности об оказании союзниками финансовой, материально-технической и военной помощи сибирской контрреволюции [4, с. 171–173]. Успех, достигнутый делегацией Совета министров ВСП в ходе поездки на Дальний Восток, во многом обеспечил П.В. Вологодскому сначала избрание в состав Уфимской директории, а потом назначение на пост председателя Совета министров, но уже другого правительства – Временного Всероссийского.

В конце 1918 – начале 1920 г. Дальний Восток находился под юрисдикцией Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Он являлся глубоким тылом, где продолжалась локальная вооруженная борьба между красными и белыми, а также поддерживавшими последних интервентами. Но этот тыл не оказывал практически никакого влияния на ход событий на Восточном фронте, на котором решалась судьба российской государственности. Более того, в связи с окончанием Мировой войны интерес союзников к противникам большевиков пошел на убыль. Дальний Восток все больше становился для них не столько теми воротами, через которые можно было продолжать осуществлять интервенцию и оказывать помощь «белому» лагерю, сколько дверью, которую надлежало сохранять открытой для расставания с Россией. Такая динамика геополитической ситуации объективно означала снижение статуса Дальнего Востока.

Однако в конце 1919 – начале 1920 г. возник ряд новых факторов, которые резко актуализировали дальневосточную проблематику. Безусловно, главным из них стало создание Дальневосточной республики. Вопросы об обстоятельствах и причинах создания дальневосточного буфера, об организации и функционировании его го-

сударственного аппарата, о правовой системе и сущности политического режима нашли отражение в большом количестве специальной литературы. Не вдаваясь в ее историографический анализ, обратим внимание на две характерные черты, присущие отечественной историографии: если в советский период она имела в основном апологетический характер, то в постсоветский приобрела некоторые черты идеализации ДВР, далекие от суровых реалий того времени.

Отметим, что со времени создания ДВР территория русского Дальнего Востока и все остальные его базовые параметры значительно изменились. Произошло это потому, что при конструировании буфера в его состав вошла бывшая Забайкальская область, из которой были образованы Прибайкальская (численность населения – около 300 тыс. человек, административный центр – Верхнеудинск) и Забайкальская (численность населения – около 500 тыс. человек, административный центр – Чита) области. В то же время в конце 1920 г. из состава ДВР в РСФСР были переданы Камчатская область, Чукотка и Охотское побережье. Тем самым территория русского Дальнего Востока почти в два раза уменьшилась, тогда как его демографический потенциал, напротив, едва ли не вдвое увеличился [5, с. 8, 154].

Однако эффект от этой положительной динамики совершенно нивелировался крайне негативными вторичными параметрами, характеризовавшими геополитическую ситуацию на Дальнем Востоке: нестабильностью политической системы ДВР, продолжением Гражданской войны на ее территории, неспособностью правительства буфера обеспечить местное население продовольствием и товарами первой необходимости. Все это Дальний Восток получал из Сибири. По оценке председателя Сибирского революционного комитета И.Н. Смирнова, относящейся к середине марта 1921 г., «ДВР превратилась в паразита, вытягивающего из Сибири хлеб, мясо и обмундирование и ничего не дающего взамен» [5, с. 216].

Тем не менее в геополитической стратификации того времени русский Дальний Восток занимал довольно высокий статус. Этот статус обеспечивался главным образом благодаря тому, что руководством Советской республики и самой ДВР данная территория позиционировалась как некая площадка, на которой осуществляется уникальный эксперимент по созданию буржуазно-демократической республики парламентского типа. На самом деле ДВР изначально и до последнего дня своего существования была формально независимым и столь же формально демократическим государством. Реально она являлась подконтрольной территорией, все основные сферы жизнедеятельности которой и соответствующие им государственные структуры возглавляли ставленники Москвы.

Можно не сомневаться в том, что российские и зарубежные акторы, участвовавшие в этой незатейливой инсценировке, все прекрасно понимали. Но по разным причинам всем им этот спектакль был нужен. Союзники и еще больше японцы нуждались в нем для того, чтобы спасти свое «лицо» и представить прекращение интервенции не как провал в борьбе с Советами, а как выполнение своих предыдущих обязательств о невмешательстве во внутрисюжетные дела. Большевикам дальневосточный буфер был нужен для того, чтобы всему миру более широко продемонстрировать арсенал средств, которым они располагали, а также умение побеждать внутреннюю контрреволюцию и интервентов не только на военных фронтах, но и на дипломатическом поприще. Когда нужда в этой демонстрации отпала, большевики вернулись к традиционной агрессивной политической тактике. Вопреки общепринятому мнению, ДВР не самоликвидировалась по требованиям трудящихся Дальнего Востока, а по сути дела была политически «взорвана» изнутри и упразднена в соответствии с директивами Политбюро ЦК РКП(б) [5, с. 360–361].

Советизация русского Дальнего Востока и ликвидация буфера стали теми вопросами, решение которых сыграло двоякую роль в судьбах самого Приамурья и всей России. С одной стороны, геополитическая ситуация в Приамурье стала предельно простой, а его статус в связи с этим понизился до уровня большинства других крупных административно-территориальных образований Советской республики. С другой стороны, возвращение Дальнего Востока в состав РСФСР стало тем геополитическим событием, которого недоставало большевикам для того, чтобы завершить «перезагрузку» Российской империи на принципиально новых идеологических и политических основаниях. После упразднения ДВР им потребовалось менее двух месяцев для того, чтобы провозгласить образование Союза ССР.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 154. Оп. 1. Д. 4.
2. Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб. : Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 359 с.
3. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Издательский дом «Сова», 2007. 818 с.
4. Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. 362 с.
5. Дальневосточная политика советской России (1920–1922 гг.) : сб. док. Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 371 с.

6. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск : Изд-во Хабаровского гос. пед. ун-та, 1999. 365 с.
7. Подвиг Центросибири (1917–1918) : сб. док. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1986. 480 с.
8. Познанский В.С. В.И. Ленин и Советы Сибири (1917–1918). Руководство военно-политической деятельностью Советов в борьбе с контрреволюцией. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1977. 317 с.
9. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков : моногр. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
10. Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. 104 с.
11. Серебренников И.И. Сибиреведение. Конспект лекций по сибиреведению, читанных на кооперативных курсах в г. Харбине в мае – июне 1920 года. Харбин : Типография «Свет», 1920. 210 с.
12. Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск ; М. Изд-во Института востоковедения, 2008. 320 с.